

ТРАСТ И ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ: МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ИНВЕСТИРОВАНИЯ

Арсениян Арман Арташесович

аспирант, Среднерусский институт управления – филиал, ФГБОУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, РФ, г. Орел

Совмещение институтов траста и механизмов частного капитала сегодня становится неотъемлемым элементом современной инвестиционной архитектуры. Траст позволяет юридически разделить собственность и управление активами, а частный капитал обеспечивает поступление ресурсов в компании, стимулируя их развитие. Данная модель особенно востребована в условиях неопределённости, когда инвесторы стремятся к защите активов, диверсификации рисков и долгосрочному росту доходности.

Траст, как правовая конструкция, представляет собой передачу имущества от учредителя доверительному управляющему с целью управления в интересах третьих лиц — бенефициаров. Эта система особенно развита в странах общего права, где используется в широком спектре — от семейного наследственного планирования до структурирования инвестиционных фондов. Однако и в России появляются адаптированные формы такого рода. В частности, с 1 июля 2021 года в российское право введено понятие личного фонда — это самостоятельное юридическое лицо, создаваемое гражданином для управления имуществом и последующей передачи его выгодоприобретателям. Данный институт отражает ключевые черты классического траста, хотя и сохраняет специфику российской правовой системы, где невозможно существование доверительной собственности в её англосаксонском смысле.

Личный фонд в России выполняет функции, сходные с трастом, включая защиту активов, централизованное управление имуществом, планирование наследования и реализацию социальных или благотворительных целей. Таким образом, можно говорить об адаптации трастового подхода к условиям российского законодательства. Отличие в том, что фонд становится полноценным собственником активов, а не держателем доверительной собственности, как это происходит в англо-американской системе [1].

Механизмы частного капитала (private equity) включают инвестиции в компании, не представленные на открытом рынке, с целью повышения их стоимости и последующей реализации доли. Трасты и личные фонды могут использоваться как юридическая форма для владения такими инвестициями. Это обеспечивает структурирование контроля, установление правил распределения прибыли и прозрачность при передаче прав.

Для лучшего понимания зарубежной практики следует рассмотреть примеры использования трастов в странах с развитой юрисдикцией, а также провести сопоставительный анализ правового регулирования.

В Великобритании траст является универсальным инструментом, охватывающим как частные (семейные), так и коммерческие цели. Система чётко регулируется законодательством и судебными прецедентами. Закон о доверительной собственности позволяет точно определять права и обязанности сторон. Важной особенностью является фидуциарная обязанность управляющего действовать исключительно в интересах бенефициаров.

В США нормы о трастах варьируются в зависимости от штата, но общие принципы обеспечивают высокий уровень гибкости. Американские трасты часто используются для защиты активов, планирования наследства и управления крупными благотворительными фондами. Особое развитие получил институт revocable living trust, который позволяет

владельцу управлять активами до смерти и передать их без процедуры завещания.

Германия и Франция не признают траст в классической форме, однако имеют аналоги — Treuhand (в Германии) и fiducie (во Франции). Эти конструкции позволяют реализовать определённые функции траста, но имеют ограниченную гибкость и не всегда подходят для инвестиционного управления.

В офшорных юрисдикциях, таких как Джерси, БВО и Каймановы острова, трасты используются преимущественно для структурирования международных капиталов, защиты активов и минимизации налогов. Здесь действуют гибкие законы и конфиденциальный режим, что делает трасты привлекательными для трансграничного управления частными капиталами.

В сравнении с этими юрисдикциями, российская модель личного фонда предлагает менее гибкие, но более прозрачные и правово устойчивые механизмы, особенно при соблюдении отечественного налогового и корпоративного законодательства. В Великобритании семейные трасты широко применяются не только для управления наследством, но и как инструменты налоговой оптимизации. В США распространена практика использования blind trust для избежания конфликта интересов у государственных чиновников, что особенно актуально в контексте политической этики и корпоративного управления. В Люксембурге и Швейцарии трастовые схемы активно используются в международных инвестиционных структурах, включая private equity-фонды, хедж-фонды и family offices.

Существенным преимуществом личного фонда в России является возможность задания условий управления, в том числе — пожизненного назначения управляющих, определения прав и долей выгодоприобретателей, а также ограничения на распоряжение активами. Такие механизмы были ранее недоступны в российском праве и предоставляют бизнесу долгожданный инструмент структурирования семейного и инвестиционного капитала. [2]

Также важно отметить роль личных фондов в структуре семейных офисов и наследственного планирования. Они позволяют объединить имущество, создать централизованный контроль, минимизировать налоговые последствия и сохранить преемственность поколений. Для российского частного капитала это становится особенно актуально на фоне роста состояния состоятельных семей и ужесточения налоговых режимов в иностранных юрисдикциях.

Применительно к инвестициям в private equity, структура личного фонда обеспечивает легальную форму владения долями в бизнесе с возможностью передачи контроля и доходов без изменения юридической структуры компании. Таким образом, фонд становится универсальным инвестиционным инструментом, особенно при трансграничных сделках или при структурировании российского капитала, возвращаемого из зарубежных офшоров.

Критерием разграничения траста и наследственных фондов выступает, что в рамках деятельности последних право собственности на соответствующее имущество передается фонду как особому субъекту данных правоотношений. Вместе с тем в трасте правом собственности наделяется трастовый управляющий, но передаваемое имущество формирует отдельный фонд и не является собственностью управляющего. Условно так именуется «расщепленное право собственности», которое традиционно для английского правопорядка. Наследственный фонд, обладая статусом юридического лица, обязан производить уплату налоговых и иных обязательных платежей, что неприменимо к трастовым отношениям. [3]

Ввиду активного применения наследственных фондов разнообразие их правовых моделей велико, однако традиционно в общемировой практике они дифференцируются на две категории [4]:

- прижизненные наследственные фонды, учреждаемые наследодателем при его жизни, которые продолжают функционировать после его смерти согласно оговоренным в завещании условиям;
- посмертные наследственные фонды, создание которых происходит после смерти наследодателя, исходя из его воли, выраженной в завещании.

Для наглядности ниже представлена таблица сравнения ключевых характеристик траста и личного фонда:

Таблица 1.

Сравнения ключевых характеристик траста и личного фонда

Характеристика	Классический траст	Личный фонд в РФ
Правовая форма	Отношение доверительной собственности	Юридическое лицо
Владение активами	Управляющий (в интересах бенефициара)	Фонд (в соответствии с уставом)
Гибкость структуры	Высокая	Средняя
Налоговая прозрачность	Высокая	Средняя
Возможность наследственного планирования	Да	Да

Для оценки потенциала роста частного капитала в России через личные фонды можно обратиться к следующему данным. (рис 1)

Рисунок 1. Динамика роста числа зарегистрированных личных фондов в России с 2022 по июнь 2025 года

Анализ сравнительных характеристик показывает, что российский личный фонд уступает трасту в гибкости, однако выигрывает в прозрачности и соответствии российскому регулированию. Это делает его подходящим инструментом для частных инвесторов, желающих реализовать долгосрочную стратегию управления капиталом в рамках отечественной юрисдикции.

В долгосрочной перспективе российский институт личного фонда может эволюционировать в более гибкую форму с расширением полномочий учредителя, улучшением налогового режима и возможностью более широкого применения для инвестиционных проектов, в том числе в рамках частных и венчурных фондов.

В качестве практических примеров использования личных фондов в России можно привести несколько кейсов.

Первый кейс — передача семейного бизнеса от владельца ко второму поколению. В 2023 году предприниматель из Екатеринбурга создал личный фонд с целью поэтапной передачи своей доли в производственной компании своим детям. Он сохранил за собой права контроля до достижения детьми определённого возраста и обеспечил, чтобы доходы от бизнеса распределялись на обучение и поддержку семьи.

Второй кейс — защита активов от возможных судебных притязаний. Собственник строительной компании из Казани в условиях растущих рисков гражданских исков оформил часть недвижимости на личный фонд, условия которого запрещают отчуждение имущества без решения наблюдательного совета. Это помогло сохранить стабильность бизнеса и личной финансовой безопасности в критический период.

Третий кейс касается инвестиций через личный фонд. Группа частных инвесторов из Санкт-Петербурга объединила средства в форме личного фонда для вложения в ряд инновационных стартапов в IT-сфере. Такая структура позволила им централизовать процесс due diligence, ограничить личные риски и оперативно принимать инвестиционные решения через управляющий орган фонда.

Кроме положительных сторон, следует учитывать и потенциальные риски, связанные с использованием как трастов, так и личных фондов.

Во-первых, это риски недостаточного регулирования. Институт личных фондов в России находится в стадии становления, что создает правовую неопределённость. Отсутствие наработанной судебной практики и прецедентов может привести к затруднениям при защите интересов учредителя или бенефициаров в случае конфликтов.

Во-вторых, существует риск неправомерного управления. Если наблюдательный орган или управляющий фондом действует недобросовестно, а механизм контроля не предусмотрен или неэффективен, возможно злоупотребление правом. Это особенно критично в случае значительного объема активов.

Третья группа рисков касается налоговых последствий. Хотя личные фонды обеспечивают определенные преимущества, отсутствие чётких налоговых разъяснений может привести к доначислению налогов или штрафам. В некоторых случаях налоговые органы могут расценивать операции как попытку ухода от налогообложения. Наконец, имеются репутационные риски. Использование сложных структур, особенно в случаях международных сделок, может вызвать подозрения у банков, контрагентов или надзорных органов, особенно при недостаточной прозрачности происхождения активов. Таким образом, несмотря на явные преимущества, использование трастов и личных фондов требует профессионального юридического сопровождения, продуманной архитектуры и постоянного контроля над соблюдением условий.

Таким образом, формирующаяся российская модель управления частным капиталом через личные фонды может рассматриваться как адаптированная альтернатива трасту, соответствующая национальным реалиям. При этом она сохраняет ключевые преимущества: централизованное управление, целевое распоряжение активами, защита от внешних рисков и возможность комплексного инвестиционного планирования.

Список литературы:

1. Емелькина И. А. Опыт правового регулирования управления чужим бизнесом в различных регионах мира // Регионология. — 2024. — Т. 32, № 4. — С. 733-748.
2. Михеева Л. Ю. Эволюция российского частного права // Частное право. — 2022. — С. 362-405.
3. Вронская М. В. Соотношение российских наследственных фондов со смежными зарубежными правовыми категориями // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. № 14. С. 78-86.
4. Крашенинников П. В. Наследственное право. (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 35.